

## IV. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 32:316.77

© Юрченко М.В.  
Yurchenko M.

### ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛИЭТНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

#### THE IDEOLOGICAL ASPECTS OF INFORMATION SECURITY OF THE MULTI-ETHNIC SPACE IN THE PROCESS OF MODERNIZATION

**Аннотация.** В статье обосновывается, что без наличия и эффективного функционирования идеологии в обществе обеспечение информационной безопасности модернизирующегося общества является в принципе невозможным.

Исследование выполнено в процессе работы над проектом № 8561 по программе Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009–2013 годы)».

**Annotation.** In article locates that without existence and effective functioning of ideology in society ensuring information security of being modernized society is in principle impossible

The study was performed in the course of the project number 8561 on the program of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "Scientific and scientific-pedagogical personnel of innovative Russia (2009-2013)".

**Ключевые слова.** Идеологический аспект, информационная сфера, безопасность, общество, власть, модернизация.

**Key words.** Ideological aspect, information sphere, safety, society, power, modernization.

Информационная сфера активно влияет на все составляющие национальной безопасности. Трансграничная информационная среда качественно видоизменяет социально-политическое пространство, формирует новый стиль взаимодействия общества и власти. Наднациональные и внутригосударственные информационные потоки оказывают существенное воздействие на социокультурное поле плюралистического, фрагментарного, во многом разорванного коллективного, группового и индивидуального сознания.

В процессе постсоветского политогенеза символические конструкции в виде доктрин, учений и концепций интенсивно дополнялись различного рода верованиями, традициями, обычаями и ритуалами в параметрах различных религиозных матриц, которые «также исходя из целостного мировосприятия мира политики, закладывали в основание символизации совершенно определен-

ные нравственно-этические картины мира, активизируя таким образом в качестве основного способа диагностики действительности человеческую веру»[1].

Следует подчеркнуть, что в условиях информационно-сетевых общества существенные трансформации претерпевают региональные и этнические политические элиты, административные структуры, вынужденные приспосабливаться к новым социальным и управленческим технологиям, таким как «on-line» конференции, «электронное правительство», PR-коммуникации и медиа-общение с институтами гражданского общества и их представителями, в том числе и с оппозицией. В новых условиях социальные институты (например, СМИ), формирующие информационно-политическое пространство, стали приоритетными носителями властного влияния в современном мультикультурном социуме. Однако дефицит креативных социально-гуманитарных технологий, которые бы обеспечивали социальную солидарность и перспекти-

---

Юрченко Михаил Викторович – кандидат политических наук, доцент, заместитель заведующего кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, тел. (495)543-36-76.

Yurchenko Michael – political science, associate professor, deputy head of the department of political science and political governance, Kuban state university, tel. (495)543-36-76.

вы творческого освоения сложного мира политики в интересах подлинного духовно-нравственного совершенствования и достижения общего блага, приводят к выхолащиванию культурного наполнения медиапространства, снижению уровня дискурсных практик и распространению «идеалов» массового потребления и утилитаризма, шаблонов вульгарного мышления.

Идеологии, призванные выступать способами консолидации социальных общностей, формировать консенсус по поводу смысложизненных ценностей, в условиях социальной аномии и мировоззренческих расхождений не способны справиться со своими функциями, что, в частности, может выражаться в кризисе понимания смыслов и идеологической войне компроматов, вытеснении групп и индивидов, способных к преобразованию действительности, деструктивными потребительскими, порой и криминальными элементами, навязывающими обществу свои интерпретации мира. Это вызывает необходимость активизировать поиск эффективных способов и методов формирования ментальных оснований возрождения единой государственности и российской общегражданской идентичности, адекватных национальным интересам общества, типов взаимодействия самых разнообразных субъектов политического процесса по редукции существующих конфликтов и предупреждению эскалации оных.

Сфера политики как основная арена коллективных действий имеет идеологическую природу. Идеологии же представляют собой эквивалент политического мышления коллективных деятелей, акторов политического процесса, обладающих ресурсом влияния. Можно сказать, что идеологии и производятся, и потребляются коллективно, сообществами. Следовательно, всякая политическая теория, намеревающаяся изучать этот аспект политического, не может не признать, что изучение идеологий даёт наиболее непосредственный и значимый доступ к кластерам политического мышления коллективных акторов. Политические понятия – это продукты различных идеологий, которые определяют доступные субъекту политического действия перспективы восприятия и описания окружающего мира.

Предполагается, что в информационном гражданском обществе политические коммуникации должны стать основным механизмом реализации политических возможностей, намерений и интересов, которые и будут выражаться в реальных властных статусах, тиражирующих установки на ценностные ориентиры, определяющие способы распределения ресурсов и обуславливающие стратегию модернизации полиэтничного социаль-

ного пространства. Информационно-коммуникативное сущностное содержание политических процессов в этом пространстве обуславливает необходимость исследовать сферу этнополитики как сложный комплекс противоречивых дискурсных практик различных акторов коммуникативно-синергического процесса, реализующих как конструктивные функции, так, к сожалению, и деструктивные (т.е. «дисфункции»).

Информационная безопасность зависит от возможных выгод и издержек использования интеллектуальных ресурсов, новых информационных технологий и сетевых механизмов в политико-информационном пространстве многосоставного полиэтничного социума, от способности смыслопроизводящей элиты преодолевать тенденции возобладания в социальном поле так называемой «искаженной коммуникации» и суррогатных ценностей, угрожающих процессу формирования общегражданской идентичности.

Социальное доверие – это основное условие неискаженной коммуникации и принципиального политического консенсуса в обществе, так как оно обеспечивается осознанным пониманием значимости «повестки дня» и стратегии, которую выбирает властная элита. Влиятельный и эффективный политический курс легитимизируется моральными принципами и основывается на взаимном рациональном восприятии действий, интересов и ценностей общающихся субъектов. Нормальное функционирование экономики и конструктивно развивающейся политической системы требуют оптимального уровня социального доверия. Однако ключевыми элементами современного общества являются отчуждение и подозрительность. Давление на личность в открытом информационном пространстве постоянно усиливается, в связи с диктатом медиараспорядителей, определяющих социальную и политическую повестку и тематизацию дискурса в публичной сфере. Дополнительная организационная сложность для власти связана с тем, что информационно-коммуникативные сети становятся центральным элементом структуры общества и являются во многом определяющими акторами формирования, артикуляции и тиражирования смыслов. Представители интеллектуальной элиты не проявляют необходимой активности в этом процессе, не всегда демонстрируют реальную продуктивность своего политического участия, и в этом феномене – определенный парадокс современной политики, что сказывается и на идеологической составляющей процесса модернизации.

Особенно большое значение в мультикультурном обществе имеют этнические аспекты социально-

го доверия, которые весьма специфичны и малоизучены с точки зрения консенсусного и конфликтного, конструктивного и деструктивного содержания социально-политических коммуникаций в информационном пространстве модернизирующейся России. Если учитывать ментальную специфику различных этносов, то тогда нужно говорить о более сложных корреляционных структурах, характеризующих состояние социального самочувствия и доверия в многосоставном обществе, его динамику и параметры определения.

Феноменолого-герменевтическая парадигма в качестве метода истолкования процесса смыслообразования актуализирует проблему темпоральности и её роли в интерпретации, которая представляет собой соединение разнонаправленных векторов: в сторону архаических образов и к желаемому будущему. Эти разнонаправленные интерпретации имеют противоречивый, конфликтный, а порой и взаимоисключающий характер. Герменевтика является не только методом познания, но, прежде всего, способом бытия, а соединение герменевтики и феноменологии выступает необходимым основанием методологии анализа полиэтничного символического пространства. Трактовка жизненного мира как опыта, предшествующего субъект-объектным отношениям в политике, позволяет проанализировать процессы формирования различных стилей мышления, но при этом нужно учитывать, что всегда остается относительная непрозрачность человеческой экзистенции и невозможность знать о политическом акторе всё без исключения.

Социальная картина мира – многогранное и многозначное понятие, позволяющее с той или иной степенью адекватности прояснить отношение людей к жизни, друг к другу, к обществу и государству, в которых они взаимодействуют в сложном переплетении различных субкультур. Таким образом, данный теоретический конструкт может использоваться как инструмент познания духовно-теоретического и духовно-практического освоения мира, процесса коммуникативного взаимодействия акторов политического процесса в плюралистичном этно-конфессиональном пространстве и различных интерпретативных измерениях, создающих особую дополнительную сложность для исследования и формулирования основных направлений информационной политики в процессе модернизации. Данную ситуацию можно классифицировать, если следовать логике Поля Рикёра, как конфликт интерпретаций [2]. В соответствии с данной парадигмой в процессе изучения угроз и рисков информационной безопасности в полиэтничном социальном пространстве и определения механизмов социаль-

ной солидарности и консолидации модернизирующегося общества, на наш взгляд, необходимо иметь в виду, что в интерпретации присутствуют два герменевтических подхода: экзистенциальный, основанный на том, что есть, и деонтологический, нацеленный на то, что должно быть. Понятия, являющиеся структурными элементами этих подходов, выступают в качестве продуктов множественности идеологем, определяющих доступные субъектам политического процесса перспективы восприятия, описания и изменения окружающего мира. Научная ценность исследования идеологических аспектов информационной безопасности заключается в получении достоверных фактов о восприятии людьми информации, наполняющей полиэтничный социум, характере влияния этой информации на развитие данного социума, взаимоотношения между этническими группами, а также о воздействии информационного климата на молодежь и ее отношение к иноэтничным группам.

Говоря о Комплексной стратегии устойчивого развития юга России (ЮФО и СКФО), масштабных проектах модернизации этого региона страны, практически все авторы различных исследований как в политическо-экономической, так и в социально-культурной сферах связывают модернизацию с обеспечением безопасности. Причем речь идет не только о снижении остроты оперативной обстановки в этих округах (особенно в СКФО), но и о решении тесно связанных с ней проблем создания безопасных условий работы для инвесторов, повышения эффективности государственного управления на всех уровнях, качества жизни населения. Исследователи отмечают необходимость последовательной и целенаправленной деятельности структур государства и гражданского общества в области решения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, разработки принципов общенациональной идентификации, национальной идеи как цивилизационного российского выбора. По мнению В.М. Межуева, универсализму западного типа русская идея противостоит не как его антипод, а как особый тип, стремящийся сочетать материальные достижения цивилизации с духовно-нравственными основами культуры [3].

Для изучения российских корней и традиций необходимо в поисках современной концепции модернизации страны, обеспечения ее национальной безопасности искать наиболее предпочтительный путь, в частности тот, о котором говорила Нарочницкая Н.А. в своем интервью к 150-летию П.А. Столыпина. В мировоззрении П.А. Столыпина сочеталось уважение к тому, что составляло красоту и правду русской жизни, с желанием ее модерни-

зировать, дать ей ускорение [4].

В решении модернизационных задач поиск новых коммуникативных форм общения государства и граждан, поддержание информационной открытости власти, опора на общественное мнение при принятии государственных решений, безусловно, являются векторами развития России. С одной стороны? право граждан на доступ к информации, с другой – информационные потоки как средство формирования общественного мнения, базовых ценностей и мировоззренческих предпочтений, объединяющих многонациональную и многоконфессиональную Россию, все это, на наш взгляд, и есть дорога с двусторонним движением, но дорога, где действуют правила, обеспечивающие безопасность акторов движения.

О пределе уступчивости в конструировании отношений национального и наднационального характера, о необходимости выработки защитного механизма от вмешательства извне в правовую ситуацию в стране (это и итоги выборов, и вопросы права сексуальных меньшинств проводить гей-парады и т.п.), говорил Председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин. Он обоснованно подчеркивал, что, стремясь остаться в европейском правовом поле, Россия должна вместе с тем бороться и за сохранность своего суверенитета, конституционных принципов [5], ибо без этого обеспечить безопасность как государства, так и его граждан будет невозможно.

Государственная информационная политика, разъясняя порой не всегда популярные мероприятия, в конечном итоге призвана сформировать позитивное восприятие государства в общественном мнении, что особенно важно в процессе модернизации. «Тем самым стимулируется активная позиция общественности, закладываются основы для ее реального участия в подготовке и принятии значимых для страны политических решений» [6]. От доверия к информации Правительства, считает Ф. Уэбстер, зависит и эффективность власти, и способность граждан оценивать его работу и осмысленным образом участвовать в жизни общества. Трудно себе представить, что будет, если население утратит доверие к точности демографической статистики, где речь идет о средней продолжительности жизни, уровне рождаемости и региональных различиях этих показателей, если не будет полагаться на данные об образовательном уровне или об уровне безработицы [7].

Развитие и совершенствование национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, формирование и поддержание единства информационного пространства РФ – еще одна задача государствен-

ной информационной политики. Здесь, учитывая большую протяженность и неоднородность страны, особую роль играет телевидение, которое способно стать эффективным инструментом противодействия различным угрозам и рискам безопасности России, информационным провокациям извне, терроризму и коррупции.

Важнейшим политическим ресурсом обеспечения национальной и региональной безопасности является политическое сознание как совокупность ментальных явлений, в которых выражается восприятие политики индивидуальным субъектом политического процесса. Например, в Чечне, по сравнению с другими республиками юга России, сильны обычно правовые механизмы регулирования отношений и кровнородственные связи. Поэтому любые формально-юридические конструкции должны быть адаптированы к местным политическим социокультурным условиям, поскольку люди нередко воспринимают доводы разума, соглашаются с необходимостью изменений, подтверждают свою приверженность преобразованиям, но потом продолжают действовать по-прежнему [8]. Для изменения традиционного общества нужно изменить его ценности, однако только просвещения или пропаганды здесь будет недостаточно.

Социально-политическое пространство детерминирует стремление индивида или группы адаптироваться к тем или иным групповым политическим интересам. В этом процессе исключительно важную роль играют критерии морали и ценностные ориентации, трактовка политических событий в рамках эмоционально-нравственных предпочтений (особенно в параметрах «справедливо или несправедливо», «выгодно – не выгодно», «полезно – вредно» и т.д.). Такое восприятие политической реальности закономерно воспроизводит болезненные этнофобии, агрессивность, политическую апатию и бунтарство, поскольку система ценностей в современном российском обществе является полем конфликтного взаимодействия различных социальных групп и слоев [9]. Поэтому на государственном и теоретическом уровне необходимо выработать такую стратегическую политическую программу, которая бы соответствовала массовым настроениям, ожиданиям людей, способствовала консолидации общества в целях обеспечения политической стабильности и инновационного развития страны в условиях жесткой конкуренции на мировой арене.

Ментальность как специфика определенного стиля мышления, склонность члена той или иной группы мыслить и действовать согласно коллективным представлениям (иногда вопреки рациональной мотивации и ин-

стинкту самосохранения) формируется под воздействием ряда факторов, доминирующих в конкретном обществе [10]. Российское политическое пространство, состоящее из множества политических субкультур, и в ментальном плане разнородно. Поэтому политический класс тоже неоднороден. И, таким образом, выработка идеологии легитимности модернизационного процесса возможна на основе учета специфики, присущей различным субкультурам, особенностям восприятия мира политики, формирования жизненной картины мира у разных социальных и этнических групп. Опыт 90-х годов показал, насколько опасна политизация этничности, в особенности этнической идентичности. В современной политической стратегии модернизации страны приоритет отдается гражданской общероссийской идентичности. Процесс трансформации ментальности является противоречивым, длительным и неоднозначным.

Идентичность – это осознанное самоопределение социального субъекта к определенному сообществу, имеющему для него значимый смысл; это также способ проведения различий между теми, кто принадлежит к какому-либо сообществу, и теми, кто к нему не относится. Национальную идентичность можно интерпретировать как соотношение граждан с определенным государством. Она утверждается, прежде всего, через систему воспитания, образования, государственный язык, традиции, культуру и прочее [11]. В современном мире идентичность играет огромную роль, поскольку концепция перехода от структуры национальных государств к структуре глобального «мирового сообщества» оказалась несостоятельной [12].

На наш взгляд, объяснять согласованность действий индивидов только соображениями политического порядка, потребности в безопасности и защите недостаточно. Намного более глубокой согласованность будет в случае наличия базовых ценностей, разделяемых большинством населения и выраженных в виде стройной идеологической концепции. Главной угрозой безопасности и стабильности общественных устоев в коммунистические годы было разрушение веры как идеологии, причиной нестабильности политической системы в настоящее время является опять-таки аннигиляция духовных скреп и идеологических компонентов в ельцинские времена. И основа для соблюдения политического порядка станет стабильной в наше время только в случае построения национальной идеологии.

Трудности формирования нового менталитета возникают в процессе принудительной адаптации людей к сложному и длительному периоду реформирования, а это может привести к тому, что политика преобразова-

ний может оказаться мишенью для критики со стороны общества, в результате чего власти придется преодолевать сопротивление. Чтобы упреждать протестные выступления и обеспечивать взаимопонимание власти и общества, нужны такие интеллектуальные и психологические ресурсы политических лидеров, которые с помощью политического дискурса способны конструировать новую социальную и политическую реальность, поддерживаемую большинством граждан страны.

На эти особенности современного российского процесса обращал внимание и политолог Л. Радзиховский, отмечая, что «сегодня России для политической и социальной модернизации жизненно необходимо «новое мышление». Суть этого «нового» ясна: умение думать и действовать компромиссно, не по принципу вертикали (команда - подчинение). Разумеется, в административном аппарате этот принцип обязан действовать. Но распространение его на другие области выхолащивает политические, социальные институты, разрушает бизнес-среду. Для того чтобы социальная жизнь задышала, необходим иной климат, необходимо то, чего нам всем фатально не хватает - чувство политической меры. Принципу «все - или ничего» надо противопоставить другой принцип «в определенной степени», что опять-таки связано все с той же культурой компромисса, умением остановиться, учесть интересы другой стороны, видеть цель не в том, чтобы проломить свою волю любой ценой, а в том, чтобы добиться равновесия на новой ступени развития» [13]. Компромисс ценен не тогда, когда он ассоциируется со «стёганым одеялом», где каждый участник спора узнаёт свою «заплату» и тем только и успокаивается. Компромисс оказывается неоценимым тогда, когда происходит взаимопризнание акторов политического процесса в гегелевском смысле.

В современной теории безопасности наметилась тенденция в определении факторов угроз и рисков политической стабильности обращать внимание на такую существенную детерминанту, какой является космополитизм. Это проявляется в том, что в массовом сознании мотивация национально-патриотического характера ослабевает, а в определенных обстоятельствах и вытесняется транзитивным мышлением, и человек все меньше ощущает себя частью этноса или гражданином конкретного государства. В массовом сознании происходит ценностный переход от установок национально-патриотической уникальности и этнокультурной самобытности к унифицированному, как правило, либерально-ориентированному мышлению.

С другой стороны, в многонациональной России

серьезную угрозу представляет крайний национализм, абсолютизирующий узко этническую ментальность, что чревато внутренним расколом и распадом полиэтничной государственности. Так, согласно данным экспертного опроса, проведенного сотрудниками Южного научного центра РАН, серьезное беспокойство у специалистов вызвала проблема национализма на юге России. В процессе опроса данный фактор стоял в числе первых. Так, на вопрос: «Существуют ли угрозы региональной безопасности на юге России? Если да, то какие?» эксперты дали, например, такие ответы: «Конечно, существуют. Так как юг России является многонациональным регионом, то большую угрозу представляет национализм, который может привести к дальнейшему терроризму»; «Реальной угрозой для региональной безопасности на юге России являются силы, стремящиеся по различным поводам использовать фактор полиэтничности, поликонфессиональности, этнополитические конфликты, в том числе и замороженные»; «Угрозой для региона являются различные формы экстремистских идеологий: национализм, шовинизм, фашизм, а также их практические проявления» [14]. Однако национализм, с точки зрения экспертов, все же выступает как латентный конфликтогенный фактор, который может активно себя проявить только в определенных условиях: «Различные ультранационалистические группировки не могут оказать влияния на безопасность региона, если не будет подпитки сверху»; «Националистические и шовинистские ориентированные группировки опасны для общества своей идеологией и преступными деяниями. Но они без финансовой подпитки, негласной политической поддержки не способны влиять на общий уровень безопасности региона. Но дестабилизирующими факторами могут стать "оранжевые революции", поддерживаемые из-за рубежа и внутренней оппозицией, пытающейся изменить нынешний политический курс».

Существует угроза для идентификационной составляющей России, накапливающейся тысячелетиями и потому хранящей наиболее устоявшиеся представления различных этнонациональных общностей о себе самих. Важнейшей задачей национальной безопасности является защита и сохранение российской идентичности как сущностной основы и одновременно важнейшего ресурса конкурентоспособности в условиях модернизации. Можно предположить, что утрата идентичности может привести к потере не только национальных ценностных ориентиров, но и государственного суверенитета. Этническое самосознание не должно вступать в противоречие с общероссийской гражданской идентичностью, и

на основе формирования подлинного доверия в отношениях между этническими группами должен создаваться важнейший сегмент информационного пространства как элемент социального капитала российского общества в новых геополитических условиях. Решить данную задачу возможно при условии тесного взаимодействия всех уровней власти в направлении противодействия ксенофобии, экстремизму и терроризму [15]. В условиях нестабильной межэтнической обстановки властные элиты должны ориентировать СМИ на создание безопасного информационного пространства, способствующего позитивной межэтнической коммуникации и формированию толерантных установок по отношению к этническим меньшинствам.

На основе серии исследований ученых Южного научного центра РАН, в которых принимают участие и учёные Кубанского государственного университета, было выдвинуто предположение, что в южном макрорегионе реализуется умеренно-негативный конфликтологический сценарий, который свидетельствует о непринятии эффективных мер по деэскалации регионального конфликтного процесса на юге России [16]. Эти тенденции проявляются и в политико-информационной сфере.

В Южном и Северо-Кавказском федеральных округах особенно остро ощущается потребность в формировании эффективной информационной политики, обеспечивающей основы безопасности полиэтничного, поликонфессионального региона. В региональной политике по развитию северо-кавказского региона комплексно переплетаются государственные интересы, национально-культурная самобытность и традиции местного самоуправления. Парадоксальным образом в глобальном открытом обществе усиливается фрагментация этнополитического сознания, которая усложняет, а порой и искажает межгрупповую коммуникацию, провоцирует эскалацию конфликтности и политизацию этничности, на основе этнического фактора образуются политические коалиции разного уровня. Формирование надэтнической общегражданской идентичности обеспечивается прежде всего грамотной информационной политикой, базирующейся на общественно-гуманитарных исследованиях.

Таким образом, следует констатировать, что процесс модернизации – самое подходящее время для постановки вопроса о «начале идеологии» в противовес прогнозам о ее «конце», то есть для целенаправленного изучения процессов, которые происходят в политико-информационном пространстве функционирования полиэтничного социума посредством переосмысления

некоторых прежних представлений о природе идеологии, и особенно положения о том, что в современном обществе место идеологии заняла система масс-медиа. Без наличия и эффективного функционирования идеологии

в обществе обеспечение информационной безопасности модернизирующегося общества является в принципе невозможным.

#### Литература

1. Политология: Лексикон / Под ред. А.И.Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 349-350.
2. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. – 624 с.
3. Межуев В.М. Русская (национальная) идея как цивилизационный выбор России // Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Вып. 2. – М., 2009. – С. 90.
4. Агишева Г. Отец непопулярных реформ. – <http://www.izvestia.ru/hystory/article3147477>.
5. Зорькин В. Предел уступчивости // Российская газета. – М., 2010. – 29 октября.
6. Федякин И. Государственное телевидение России в общенациональном пространстве // Вестник Российской науки. Общественно-политический и научный журнал. 2010. – № 3. – С. 107.
7. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. – М., 2004. – С. 253.
8. Анников С.П. Система органов государственной власти Чеченской Республики в условиях этнополитического конфликта: проблемы политической институционализации. Дисс. ... канд. полит. наук. – Пятигорск, 2009. – С. 140.
9. Байдалова О.В. Система ценностей как объект конфликта в обществе // Конфликтология для XXI века: Наука – Образование – Практика: Материалы Санкт-Петербургского Международного Конгресса конфликтологов. – СПб: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2009. – Т. 1. – С. 52.
10. Юрченко. В.М., Юрченко И.В. Ментальные основания формирования российской идентичности в контексте проблемы обеспечения региональной безопасности // Идентичность и интеграция: опыт России и Германии (Юг России - Северный Кавказ). Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. 15-17 июня 2009 г. (г. Пятигорск). – Ростов н/Д: Изд-во Сев-Кав. акад. гос. службы, 2009. – С. 136.
11. Гончарук Н.С. Формирование наднациональной идентичности граждан ЕС: противоречия и тенденции // Идентичность и интеграция: опыт России и Германии (Юг России - Северный Кавказ). Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. 15-17 июня 2009 г. (г. Пятигорск). – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. – С. 198.
12. Морозов Е. Геополитическая методология разработки стратегии национальной безопасности // Государственная служба. – М., 2009. – № 4. – С. 62.
13. Радзиховский Л. Новый стиль // Российская газета. – М., 2009. – 19 мая. – С.5.
14. Региональная конфликтология: экспертное мнение / Под. ред. М.К. Горикова. – М., 2007.
15. Проблемы региональной безопасности в полиэтничной среде. Вып. 1. Информационная безопасность / Отв. ред. В.М. Юрченко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. – С. 126-128.
16. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов, В.А. Авксентьев. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 334.

Материал поступил в редакцию 12. 08. 2013 г.